

— В один день с Кукушкиной (после неё) защищался Веня Захаров, наш калининградец, от Никитина. У обоих - Кукушкиной и Вени, научным руководителем был Пудовкин. Рая Кукушкина делала у него диссертацию с незапамятных времён, когда Пудовкин работал ещё в Лопарской. Рая работала там и сейчас, не блистая способностями, но старательно, в традиционной стиле чистого морфолога. Пудовкин вносил физику в её исследования, и за долгие годы работы материала у Раи набралось на довольно крепенькую диссертацию.

— Сама по себе Рая - женщина довольно вульгарная, невысокого роста, в очках, курящая и не прочь выпить, а, выпив, ведёт себя не вполне прилично, о чём с содроганием вспоминал Саенко после банкета в Верхне-Тулломском, где Рая его охмуряла. Но, безусловно, женщина добрая. Перед защитой она ужасно тряслась, и Пудовкин за неё побаивался, но всё прошло благополучно, хотя Макаров и не удержался от пары иронических реплик.

— За Веню Захарова Пудовкин, напротив, не беспокоился. Я у этого Вени был в своё время рецензентом дипломной работы, которую он делал у Никитина, и оценил её на отлично. Среди своих однокурсников он заметно выделялся и способностями, и трудолюбием, даже настырностью, я бы сказал. Он так и остался работать у Никитина, написал с ним пару статей, а потом поступил в заочную аспирантуру к Пудовкину и с Никитиным уже больше не печатался, хотя по службе оставался его подчинённым. Был момент, когда я ему предлагал перейти к нам в обсерваторию, но Веня отказался под тем предлогом, что это было бы некрасиво с его стороны по отношению к Никитину.

— И вот этот Веня на своей защите перепугал всех присутствующих - чуть не грохнулся (в буквальном смысле) в обморок от волнения. Председатель совета Глеб Иванович Макаров стал задавать ему вопросы, как обычно, в своей довольно агрессивной манере. Веня многословно, но не очень чётко ответил на первый вопрос - похоже было, что он его не понял, и Макарова ответом не удовлетворил. Тот с пристрастием задал следующий вопрос. Веня разволновался, никак не мог собраться с мыслями, и вдруг его явственно закачало. Он начал шарить вокруг себя рукой, инстинктивно пытаясь опереться, и упал бы, если бы кто-то не заметил неладное и не подскочил к нему, поддержав.

— Его усадили, расстегнули воротник, начали дуть в лицо, послали за врачом. Веня сначала смотрел перед собой совершенно неподвижным взором, потом начал озираться и бормотать, что он сейчас ответит на вопрос, явно не соображая, что с ним происходит. До приезда скорой он, однако, оклемался и упросил разрешить ему продолжить отвечать на вопросы. Макаров к нему больше не приставал, другие задавали ему вопросы явно только для проформы, очень осторожно, чтобы опять не разволновать беднягу. Отзывы (все положительные) зачитывали с сокращениями, чтобы поскорее закончить утомительную процедуру. Шла вторая защита, и одуревали от духоты уже все.

— Проголосовали за Веню единогласно. Отмечали обе защиты у Пудовкина дома, что редко бывает - научный руководитель у себя для диссертантов застолье устраивает, но для Пудовкина это как раз характерно, у него и останавливаются многие, как в гостинице, и живут подолгу...

На "Векторе" я собирался устроить небольшую демонстрацию. Время шло, а с машиной дело не продвигалось. Заказчик, похоже, считал достаточным того, что выделил нам на неё деньги, а добывайте уж сами, как сумеете. Лобачевский же внушал нам, что машину должен поставить заказчик, на него нужно давить, ссылаясь на его же письменное обещание, иначе мы ничего не получим.

Тем временем заканчивался уже первый этап, и надо было представлять отчёт по нему. Так вот вместо отчёта я написал коротенькую техническую справку на полтора страницы, в которой только и содержалась констатация факта непоставки нам обещанной ЭВМ и, соответственно, невыполнения запланированных вычислительных работ. С тем я

и явился к Бубнову. Тот повертел мои бумажки и сказал:

— Ну, и чего Вы таким образом добьётесь? Зачем вставать в позу? Наше начальство просто махнёт на Вас рукой и всё. Его надо заинтересовать, убедить, что Вы делаете как раз то, что нам нужно, и только этой ЭВМ Вам не хватает. А если Вы ничего делать не будете, пока задерживается решение вопроса с ЭВМ, то до конца договора у Вас просто времени потом не останется. Это уж начальство наше сообразит и решит, что теперь давать Вам машину бесполезно, так как время ушло. Неужели Вы и в самом деле ничего не делали?

— Да нет, конечно, делали, - и я рассказал о ходе работ над большой моделью, о проекте структурной схемы, о подробном описании постановки задачи, о том, что уже разработаны многие модули верхних уровней, о работах Карпова по термосфере и Суроткина по экваториальной ионосфере ...

— Вот и представьте всё это в отчёте. Надо пропагандировать свою модель и свои достижения в её разработке, чтобы всем ясно было, зачем Вам нужна большая машина, - уговаривал меня Бубнов.

— Логика в его рассуждениях, конечно, была. Но описание своих текущих достижений мы приберегали для будущих отчётов, когда машина появится, а работать на ней будет ещё нельзя (на установку её, пуск и наладку не меньше года уйдёт), на этот период и создавался сейчас задел. В то же время пробивать машину лучше, размахивая уже имеющимися отчётами, из которых явственно следовало бы, что мы уже подошли к цели и только ЭВМ нам не хватает, чтобы полностью удовлетворить заказчика. Или уж во всяком случае, что ЭВМ нам нужна не для того, чтобы на голом месте начинать.

— И я согласился за оставшийся месяц до окончания этапа подготовить подробный отчёт о фактическом состоянии дел, что вообще-то не входило в наши планы: мы уже настраивались на летние отпуска, а не на внеочередной отчётный аврал. Так что из демонстрации моей ничего не вышло. Правда, Бубнов обещал подготовить очередное письмо от их министерства в наш Академснаб с просьбой выделить нам ЕС-1045 из резерва Госплана ещё в этом году.

— А с Митей мы, конечно, ходили по музеям. Эрмитаж его не заинтересовал, обежали быстренько и на Васильевский остров. В Кунсткамеру опять не попали, а в Зоологическом музее он не пропустил ни одного чучела и скелета, которых там жуткое множество, и умотал меня совершенно.

— С Лукиными были в Артиллерийском музее, уже во дворе которого стоит навалом разнообразной техники. Сашуля в первый раз была там и удивилась размерам самого здания, бывший Арсенал как-никак, на лошадях можно было пушки на верхние этажи завозить.

— Лукины же водили нас в цирк шапито на Московском проспекте напротив метро "Парк Победы". Нас провели без билетов и усадили на первый ряд их знакомые - гимнасты-каскадёры на брусках Гольшевы. И Мите, и мне очень понравилось, Сашуля почему-то не была. Гольшевы - молодцы! И трюкачи, и комики отличные. Их, правда, мы не раз уже видели по телевизору. Они жаловались нам в перерыве, что ленинградская публика прохладновата, сдержанна, не так раскованна и непосредственна как московская или южная, а реакция публики для них очень важна. Всё второе отделение было иллюзионистское, и некоторые фокусы впечатляли...

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)